



# МИРАЖИ И МАЯКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИДЕОЛОГИИ

## Беседа первая

Арсений Замостьянов

К Роману Мстиславичу в Галич послом  
Прислал папа римский легата.  
И вот над Днестром, среди светлых хором,  
В венце из царьградского злата,  
Князь слушает, сидя, посольскую речь,  
Глаза опустив, опершись на меч.  
И молвит легат: «Далеко ты,  
О княже, прославлен за доблесть свою!  
Ты в русском краю  
Как солнце на всех изливаешь щедроты,  
Врагам ты в бою  
Являешься божиим громом;  
Могучей рукой ты Царьград поддержал,  
В земле половецкой не раз испивал  
От синего Дона шелоном.  
Ты храбр, аки тур, и сердит, аки рысь, —  
Но ждёт тебя большая слава,  
Лишь римскому папе душой покорись,  
Святое признай его право:  
Он может по воле решить и вязать,  
На дом он на твой призовет благодать,  
На недругов — божье проклятье.  
Прими ж от него королевскую власть,  
К стопам его пасть  
Спеши — и тебе он отверзет объятия,  
И, сыном коль будешь его нареком,  
Тебя опояшет духовным мечом!»  
Замолк. И, лукавую выслушав речь,  
Роман на свой меч  
Взглянул — и его вполонину  
Он выдвинул вон из нарядных ножен:  
«Скажи своему господину:  
Когда так духовным мечом он силен,  
То он и хвалить его волен,  
Но пусть он владеет по-прежнему им,  
А я вот и этим, железным своим,  
Доволен!  
А впрочем, за ласку к Червонной Руси  
Поклон ему наш отнеси!»

*А.К. Толстой, 1870 г.*

Разговор об идейных движениях в обществе не имеет конца. История — это движение, имеющее свои закономерности, но лишённое железной предопределённости. Поэтому логика времени требует от нас активной позиции: капля камень точит, и ни одно усилие не остаётся тщетным.

Каждая эпоха оставляет Истории образ мироздания, запечатлённый поколениями современников. Когда мы говорим «век Перикла», «эпоха Возрождения», «эпоха Реформации» или «эпоха Сталина», — перед нами встают образы людей, объединённых исторической судьбой, их мировоззрение, их надежды и чаяния, их свершения. Помнится, ещё в 1996 году президент России Б.Н. Ельцин ставил перед высшими чиновниками страны задачу сформировать пресловутую «национальную идею». В школе — младшей, средней и высшей — потребность в идеологической доктрине ощущается особенно остро. Мне бы хотелось напомнить нашему читателю голоса мыслителей, так или иначе влияющих на пространство идеологии в современной России. И не столько из соображений «делать жизнь с кого», сколько в надежде на то, что погружение в мир идейных баталий откроет для нас истинные лики времени, поможет найти верную интонацию для непростых разговоров со школьниками и студентами...

В конце восьмидесятых и начале девяностых годов мы пережили болезненную, хотя во многом и притягательную эпоху — эпоху радикальных перемен. То было время иллюзорных надежд и реального разрушения общественного строя, государства, жизненного уклада. Советская идеология, гармонично сочетавшая прагматизм и романтику, материализм и духовность, была отменена новым временем. Вместе с ней исчезло и такое явление, как «советский образ жизни», включавшее в себя гордость за родную страну, уважение к труду и к народу, неприятие элитарности. Эти чувства опирались на традиции многовековой российской истории, переосмысленные в духе индустриального века. Семьдесят лет назад наши деды пели:

Только в нашей стране дети брови не хмурят.  
Только в нашей стране песни радуют слух.  
Руки женщин ведут самолёты над тундрой,  
Орден Ленина носят поэт и пастух.



Родная страна воспринималась ими как авангард мировой истории. Конечно, подобный энтузиазм рождался «за железным занавесом», в условиях могущественной и хорошо продуманной пропаганды. В те времена общественным мнением управляли, исходя из интересов государства, а интересы государства пусть и не вполне тождественны интересам общества, но во многих аспектах едины *для всех и для каждого*. И «за железным занавесом», под песни о самой счастливой на свете стране, шло воспитание нового, просвещённого и свободного — человека. Ради его формирования государство было готово пойти на многое, включая кровопролитие. Это была жестокая, но не лишённая благородства логика. В то же время нужно признать, что советское общество было беспощадно к людям, не согласным с основными постулатами марксизма. Человек, уверенный в преимуществах частной собственности, увлечённый идеей сверхчеловека, презирающего ценности коллективизма, в Советском Союзе становился отщепенцем со сломанной судьбой и постоянным комплексом: «Чёрт догадал меня родиться в России с умом и талантом». Социальная база антисоветизма укреплялась с усилением собственных инстинктов. На рубеже 80-х и 90-х в ходу были другие песни:

Вот так живёт Америка с Европой,  
Вот так — ну, а у нас всё через ...

Рифма-то известная и самая банальная, а «вот так!» — это, значит, хорошо живёт Америка, правильно, а мы из-за Белинского, Чернышевского (именно с ним сводит счёты автор процитированной песни!) и тех умников-очкариков, что придумали Чернобыльскую АЭС, валяем дурака. Почти как в фильмах про Джеймса Бонда, где лощёный герой западного мира куражится над советскими генералами Пушкиным и Гоголем. Или — в другой песне недавнего прошлого:

И мне не нравилось то, что здесь было,  
И мне не нравится то, что здесь есть.

Демагогическая фигура огульного отрицания — горделивая поза одинокого избранника, шифрующего пустоту. Да это же наш старый знакомый, пушкинский демон, навсегда отравленный снобизмом:

Печальны были наши встречи:  
Его улыбка, чудный взгляд,  
Его язвительные речи  
Вливали в душу холодный яд.  
Неистошимой клеветой  
Он провиденье искушал;  
Он звал прекрасное мечтою;  
Он вдохновенье презирал;  
Не верил он любви, свободе;  
На жизнь насмешливо глядел —  
И ничего во всей природе  
Благословить он не хотел.

Этот психологически точный поэтический портрет запечатлел образ русского нигилиста России, характерный для всех времён. Дух отрицания, дух сомнения — это демон, вечный враг человечества. И, конечно, он подписался бы под звонкими словесами: «И мне не нравилось то, что здесь было...» Для созидателей такая позиция неприемлема. Им должно видеть свет в конце тоннеля, находить возможности для продвижения вперёд даже в самой тупиковой ситуации. Последнее соображение напрямую относится к современной российской школе.

Бурное развитие либеральных ценностей поставило человечество перед сильным искушением — перед искушением свободой. Лукавая природа этой материи, срывающая покровы со всех тайн, приводит к «демонической» позе отрицания. Избежать этого можно с помощью лоцмана, знающего все омуты, отмели и водовороты общественных течений. Наши писания предназначены им, лоцманам молодых поколений, — школьным учителям и вузовским преподавателям. Даст Бог — вместе, сообщая мы сумеем отличить свет спасительного маяка от мерцания миражей... На свет пушкинской поэзии можно идти смело: он — не от лукавого.

Россия и Запад — вечная коллизия, опоясывающая нашу общественную жизнь с незапамятных времён. Нужно помнить, что возвышение нашей страны, превращение



Худ. Д. Маклайз  
(Фрагмент)



России в великую державу произошло при Петре Великом под флагом обращения к опыту Европы. Но, прилежно перенимая достижения европейской цивилизации, Пётр никогда не вёл нашу страну в фарватере чьей-либо политики. Снова вспоминается Пушкин, писавший о Петре: «Не презирал страны родной, он знал её предназначенье!» Такие светила европейского просвещения, как Вольтер, признавали Петра величайшим государем, но иноземные недруги России до сих пор приходят в ужас при упоминании одного имени первого императора всероссийского. Вот Майкл Ли Лэннинг, современный американский офицер и историк, апологет доктрины «американского мира», с гордостью констатирующий, что после уничтожения СССР Соединённые Штаты превратились в единственную мировую державу. В своём сочинении «The Military 100. A Ranking of the Most Influential Military Leaders of All Time» (в российском издании — «Сто великих полководцев») Лэннинг предпринял попытку расставить по ранжиру сотню самых выдающихся, по мнению автора, военачальников мировой истории. Наше время — время рейтингов, и проведение подобного «чемпионата полководцев всех времён и народов» никого не удивило. «Первой перчаткой» оказался, разумеется, американец — Джордж Вашингтон. Серебряной медали Лэннинг удостоил Наполеона Бонапарта, а бронзовой — Александра Македонского. Красноречивый факт: пятнадцатое место в списке занял Адольф Гитлер, а для Иосифа Виссарионовича Сталина места в сотне не нашлось... Американский читатель навряд ли когда-нибудь узнает, чьи штандарты летели к подножию Мавзолея на Параде Победы в июне 1945 года! Представителей России и Советского Союза в сотне Лэннинга всего четверо: Пётр Великий (семнадцатое место), А.В. Суворов (пятидесятое место), И.С. Конев (пятьдесят четвёртый) и Г.К. Жуков (маршал Победы заслужил семидесятое место, оказавшись гораздо ниже других участников Второй мировой — Эйзенхауэра, Макартура, Монтомгери, даже Моше Даяна!). Субъективность оценок Лэннига очевидна, но его патриотические чувства (более четверти величавших полководцев,

по Лэннингу, были англо-американцами) заслуживают почтения. Он по праву гордится своим поколением американских военных, которые «остались в армии после Вьетнама, чтобы реорганизовать армию, восстановить её престиж на Родине и в мире, способствовать тому, что США стали единственной сверхдержавой в мире». Наши идеологи предпочитают замалчивать правду о тех, кто победил и проиграл в холодной войне, утешаясь демагогией о дружбе и союзнических отношениях. Лэннинг же не скрывает лидерских амбиций своего государства. Не скрывает он и искреннего торжества победителей в противостоянии двух миров: сильный имеет пра-



М. Врубель. «Демон»

во протягивать слабому два пальца... Вот и обесценились акции полководцев проигравшей страны — даже тех, кто успел умереть в ореоле Победы. Конечно, с точки зрения исторической науки такой подход недопустим, но для эмоционального публициста и патриота своей Родины он вполне простителен. Отметим, что Петру Великому Лэннинг даёт высокую оценку, отмечая успешную экспансию императора, создавшего военную мощь России. Не случайно и появление известного сфальсифицированного документа — «Завещания Петра Великого», на основании которого на Западе формировался зловещий образ России — страны-агрессора, олицетворяющей грубую, беспощадную силу. «Советская угроза», «Империя зла» — все эти пропагандистские штампы времён холодной войны вышли из «Завещания Петра Великого». С ненавистью и страхом следили наши недруги за усилением военной мощи России



и Советского Союза. Россия вела оборонительные войны, русские офицеры проливали кровь за свободу и независимость народов Европы и Азии, а в умах недругов нашей страны вызревал миф о «новых гуннах» — варварах, стремящихся к мировому господству. После 1917 года ненависть к нашей стране была подкреплена и классовыми причинами: первое в мире государство рабочих и крестьян представляло реальную угрозу мировому капиталу... Успехи социалистического государства в индустриализации, в развитии науки и армии, в создании советской культуры заставляли применять против Советского

свою жизнь бессмысленной!» — заявил один из популярнейших в то время исполнителей рок-н-ролла, прекративший свою карьеру на гребне славы именно по этой причине.

Нагнетание советской угрозы было выгодно подлинным хозяевам Америки — промышленникам и финансистам. В мутной воде великого противостояния разрабатывались «малые победоносные войны», увеличивался военный бюджет, подмахивались кредиты и дотации. Какой бизнес без риска! И сейчас, когда пряموдушные офицеры вроде Лэннинга торжествуют победу над Советским Союзом, видные дельцы тоскуют по временам холодной войны — и имитируют новое противостояние, на этот раз — с «осью зла» от Багдада до Пхеньяна.

Мои слова не следует принимать за очередную филиппику против Америки. Вольно нашим политикам и публицистам проклинать Америку: огульная критика ни к чему не обязывает. Это всего лишь лёгкая форма наживы политического капитала. Противники России не боятся проклятий. Честно говоря, боятся они только одного: нашего самозабвенного труда. Снова и снова наши речистые современники судачат о русской духовности и о тлетворном влиянии американской массовой культуры. Под эти сладкоголосые речи мы даже не заметили, как наша страна превратилась в поставщика детской порнографии на мировые рынки... Получается, как у Дениса Давыдова:

А глядишь: наш Мирабо  
Старого Гаврило  
За измятое жабо  
Хлещет в ус да в рыло;  
А глядишь: наш Лафает,  
Брут или Фабриций  
Мужиков под пресс кладёт —  
Вместе с свекловицей.

Конечно, давным-давно пора ограничить присутствие иностранной продукции на телевидении, на радио, в кинотеатрах. По моему мнению, на закупку иностранного товара вообще следует решаться лишь в крайнем случае, если в нашей стране отсутствует производство данного вида продукции. В противном случае это — деградация, стыд и позор.



**В. Мухина**  
«Рабочий и колхозница»

Союза все методы идеологической борьбы. Вот тогда-то старинная подделка — «Завещание Петра Великого» — была снова явлена на свет Божий. Демонизация советского государства нагнеталась с навязчивостью, присущей поп-культуре. «Руку Москвы» видели во всех неприятностях — больших и малых. Знаменитый американский политик, один из основателей ЦРУ Ален Даллес даже письменно успокаивал своих сограждан, сообщая им, что «люди Хрущёва всё-таки проникли не в каждое американское учреждение». Но куда там! Известие о том, что «русские запустили спутник» — первый искусственный спутник Земли, — настолько потрясло напуганных советской угрозой обывателей, что поднялась настоящая паника. «Если Господь позволил, что советские — эти слуги дьявола — проникли аж на самое небо, я считаю всю



Но не следует увлекаться развязной критикой американского образа жизни: эта критика порой напоминает злые лакейские пересуды про «их милость». А заглянет барин — и лицо расплывётся в угодливой улыбке. По собственному опыту могу сказать, что потребителем американской массовой культуры (литература, кино, музыка) я являюсь четыре-пять часов в год. Мне хватает. И дай Бог американцам сохранить свою самобытную культуру. Только... на своём континенте.

Опыт Петра Великого показывает, как важно перенимать всё лучшее, что есть в мире, сохраняя направляющую роль российской традиции. В девяностые годы США показали нам, как великая держава может избежать распада, опершись на идеологию политкорректности. Ограничив свободу высказываний в охранительных целях, американцы переняли и переосмыслили опыт Советского Союза. Спасительная атлантическая политкорректность во многом напоминает идеологическую доктрину секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, который не без успеха пресекал любое наступление на гражданский мир в СССР, не позволяя развернуться ни крайне левым, ни крайне правым, ни космополитам, ни националистам... «Кабы чего не вышло» — это девиз не самого приятного чеховского героя, но в политической жизни доверять можно только перестраховщикам! Школьные учебники истории в современной Америке напоминают благословенный советский прагматизм! Их авторы не гонятся за исторической правдой, главное для них — пропагандистская эффективность. Всё поставлено на службу интересов большинства американцев, а они заключаются не в познании горькой правды. Учебники в США (как и в СССР) написаны так, чтобы у благонамеренных школьников вырастали крылья и горели глаза...

Над американской политкорректностью принято смеяться. Когда-то и советская система была объектом саркастических насмешек. Над современной Россией мало кто в мире смеётся: про нас просто редко вспоминают... Сейчас в нашей стране никто всерьёз не занимается изучением идеологического наследия М.А. Суслова

и сусловской школы. А ведь идеи гражданского согласия, идеи коллективизма могли бы стать фундаментом будущей России. Однако публикации об этой сложной личности, как правило, исчерпываются анекдотами о калошах и старомодном пальто... Можно, конечно, вспомнить, как «второй секретарь» пришёл к дантисту и на просьбу раскрыть рот ответил с раздражением: «А нельзя ли как-нибудь обойтись без этого?» Да разве в анекдотах суть?

Прорубив окно в Европу, великий Пётр не поставил свою страну в подчинительное положение. Созидательные планы первого русского императора отличались амбициозностью. Он стремился к конкурентоспособности и лидерству во всех областях человеческих знаний и умений. Знаменитый «тост за учителей», провозглашённый после Полтавской победы, — вот выразительный пример петровской мудрости. Выучиться так, чтобы превзойти — и одолеть, если учитель превратился в противника. Постигание премудростей мира должно вести к укреплению Родины, к её усилению. Стоит ли опасаться зарубежного влияния? Предоставим слово Ивану Сергеевичу Тургеневу — пожалуй, самому последовательному и искреннему российскому западнику. «Могу сказать о себе, что лично я весьма ясно осознавал все невыгоды подобного отторжения от родной почвы, подобного насильственного перерыва всех связей и нитей, прикреплявших меня к тому быту, среди которого я вырос... но делать было нечего. Тот быт, та среда и особенно та полоса её, если можно так выразиться, к которой я принадлежал — полоса крепостная, — не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротив: почти всё, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувства смущения, негодования — отвращения, наконец». Это — истоки тургеньевского западничества. Отметим, что писатель с большой откровенностью анализирует мотивы своего отрыва от родной почвы, вполне осознавая ответственность подобных шагов. Пишет Иван Сергеевич и о целесообразности заимствований, о попытках учиться у Запада: «Скажу также, что я никогда не



признавал той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные патриоты непременно хотят провести между Россией и Западной Европой, той Европой, с которой порода, язык, вера так тесно её связывают.

Не составляет ли наша, славянская раса — в глазах филолога, этнографа — одну из главных ветвей индо-германского племени? И если нельзя отрицать воздействия Греции на Рим и обоих их вместе — на германо-романский мир, то на каком же основании не допускается воздействие этого — что ни говори — родственного, однородного мира на нас? Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния

и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой — нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» («Литературные и житейские воспоминания. Вместо предисловия». Баден-Баден, 1868)<sup>1</sup>.

И.С. Тургеневу — отчаянному борцу с крепостным правом, считавшему реформу 1861 года своей главной жизненной заслугой, западничество и либерализм были присущи с молодых лет. И в то же время он (несмотря на своё намерение быть властителем дум прогрессивной молодёжи) не допускал фальшивых нот в описании характеров и сюжетов. Показательно, что встречающиеся в романах Тургенева герои-западники либо оказываются карикатурными резонёрами, либо разочаровываются в собственных принципах («Дворянское гнездо», «Дым», «Новь» и др.). А нечистые на руку чиновники-реформаторы либерального толка неизменно преподносятся Тургеневым в шаржированном виде. Тургеневскую язвительность знал и ценил В.И. Ленин, по свидетельству современников, раздававший направо и налево клички из тургеневской прозы: «Губарев», «Биндасов», «Ворошилов», «Нежданов»... В то же время проникновенные, ставшие крылатыми, слова о России произносит в романе «Рудин» патриот-почвенник Лежнев: «Россия без каждо-

го из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без неё обходится». О противоречивом отношении Тургенева к России говорят и рассказы «Записок охотника». От светлого образа «Живых мошей» не отказался бы и вечный оппонент Тургенева, великий почвенник Ф.М. Достоевский. И в предсмертные часы Иван Сергеевич Тургенев видел леса и луга Орловщины, из европейского далёка обращался к образам русских людей: «Прощайте, мои родные, мои белесоватые...» Все эти отступления не означают, что мы видим в Тургеневе скрытого почвенника, собственной судьбой «дезавирующего» свою политическую программу, подобно тому, как судьба Базарова противоречила основам его нигилистической философии... Писатель не нуждается в подобной трактовке. Вспомним завет Н.М. Карамзина: «Патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к Отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть». Тургеневский урок актуален и для нашего времени — разве мало пороков в современной России? Разве нечему нам учиться у Запада (добавим, учитывая опыт XXI века: и у Востока!). От князя Курбского до Юрия Афанасьева русское западничество не создало более искреннего и содержательного манифеста, чем выстраданные слова Тургенева о его «тягостных раздумьях» о России. Так, может быть, и впрямь, опасаясь иноземного влияния, мы воюем с призраками нашей собственной воспалённой фантазии? Мир без границ, распахнутые братские объятия «детей разных народов» — разве не к этому стремится отзывчивое русское сердце? В истории России встречались разные иностранцы. Встречались среди них Эйлеры и Барклаи, но встречались и Наполеоны, и Гитлеры. А дух завоевателей присутствует не только в политиках и генералах. Он присущ и иным культуристам. Не отягощённые любовью к России, они готовы безжалостно расчистить культурный плацдарм для новых великолепных построек... Вот два современника, два дворянина, два монархиста, два писателя — Михаил Николаевич Загоскин и Альфред де Кюстин. Оба они сохранили воспоми-



1

Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1979. С. 241, 242.



нения о Москве времён Николая I. Только по-разному открылась Москва двум современникам. Французский маркиз увидел «страну рабов, страну господ», увидел убогие хижины и по-азиатски варварские золотые купола храмов. Грязь и вековая тьма. Кстати, пренебрежительное отношение к понятию «Азия» свойственно многим европоцентрично настроенным мыслителям. М.Н. Загоскин — автор книги «Москва и москвичи» (через полвека Владимир Гиляровский позаимствует у Загоскина это название) — создал иной образ Москвы. В его представлении это — добрый и мудрый город, хранящий великую твердыню Православия — Кремль. Загоскин гордится чистотой и уютом московских больниц, странноприимных домов, гордится университетом, гимназиями — здесь очаги просвещения российского! Маркиз де Кюстин был в России проездом, с лёгким туристическим багажом и секретной миссией. Загоскин знал и любил свой родной город. На чьей же стороне правда? Кто объективнее — наш гость из Парижа или хлебосольный московский барин, влюблённый в свой город? Вечный вопрос: что есть любовь — прозрение или слепота... Ясно, что человек, не питающий к нашей стране сыновней любви, не пожалеет российских святынь, не пощадит наших традиций, нашего народа. Сапог колонизатора беспощаден и неумолим... А кто этот колонизатор по профессии — военный, банкир или либеральный мыслитель, — не так уж и важно. У Наполеона не дрогнуло сердце, когда он отдавал приказ взорвать кремлёвские соборы... Позволю себе ещё один историко-литературный пример. На этот раз — из жизни Сергея Михайловича Бонди, выдающегося историка литературы, пушкиниста и стиховеда. В послевоенные годы С.М. Бонди был, пожалуй, самым талантливым лектором университетской Москвы. Блистательный, артистичный и мудрый профессор Бонди был любимцем нескольких поколений студентов-филологов. Но многие из восторженных поклонников Бонди отшатнулись от своего учителя, когда тот в 1966 году поставил подпись под письмом, осуждавшим арестованных Синявского и Даниэля. Письмо опубликовала «Литературная газета». Осуж-

дение гонимых было не в традиции русской интеллигенции, к которой, безусловно, принадлежал С.М. Бонди. К тому же профессор Бонди никогда не был ни марксистом-догматиком, ни коммунистом, приверженным партийной дисциплине. Обратимся к воспоминаниям челябинского филолога В.Б. Катаева, записанным М.О. Чудаковой<sup>2</sup>:

«Я приехал из Челябинска, где только что прошло городское собрание интеллигенции с осуждением Синявского и Даниэля, причём многие выступали вполне искренне... Я спросил у Бонди прямо — на правах «любимого ученика», как он меня сам называл: «Как же так, Сергей Михайлович? Мы все (провинциальная интеллигенция, связанная с Московским университетом) были поражены, увидев ваше имя среди таких имён, под таким письмом... Что ж вы — сыграли роль простодушной старушки, подбросившей хворостину в не её зажжённый костёр?» И он сказал мне: «Если бы вы создали тайное общество, даже вооружённую организацию по борьбе с властью, — я готов быть с вами, всячески поддерживать вас. Но если вы будете связываться с иностранцами, с теми, кто вокруг шныряет и хочет нашей гибели, то я буду против!»<sup>3</sup> Вот он, спасительный инстинкт самосохранения, поднимающий нас на оборону от иноземного врага! Это здоровое чувство было знакомо и профессору Бонди, и сибирским мужикам, не принявшим адмирала Колчака за шашни с иностранцами. Европейские военные советники ни на час не оставляли претендента верховного правителя Сибири, претендовавшего на всероссийскую власть, а мужики сложили о Колчаке замечательную песенку:

Мундир английский,  
Погон французский.  
Табак японский,  
Правитель Омский.  
Мундир носился,  
Погон свалился,  
Табак скурился,  
Правитель смылся.

В старом кинофильме «Выборгская сторона» (последняя часть «Трилогии о Максиме») рабочий паренёк,

М.О. Чудакова — историк литературы, профессор и доктор наук. В данном контексте следует напомнить читателю и о давних сугубо либеральных убеждениях Мариэтты Омаровны.

См.: Тыняновский сборник. Пятое Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 425, 426.



назначенный наркомом финансов, обращается к банкирам старой школы: «Фамилии у вас немецкие, деньги вы охраняли французские, а порядки у нас хотели завести японские? Не выйдет!» Разумеется, дело тут не в национализме. Расовый принцип — это тупик, противоречащий всей истории культуры, просвещения, общественных отношений. Критерий патриотизма — не принадлежность к той или иной национальности, а приверженность к государственности, к культуре, наконец, включённость в судьбу народа и государства. Несомненно, что будущее — за такими многонациональными, но объединёнными единой идеологией, единой судьбой государствами, как США и СССР. И банкиры из кинофильма, и представители Антанты, опекавшие А.В. Колчака, и публиковавшиеся во враждебных Советскому Союзу изданиях А. Синавский и Ю. Даниэль действовали не в интересах Отечества. Каждый из них потерпел тяжкое поражение, потеряв Родину.

А падре Печерин — всем известный невозвращенец, ненавистник России, член ордена редемптористов, память о котором пришла к нам из классического XIX века? Стихи Владимира Сергеевича Печерина (1807–1885) — свидетельство бессильной злобы. Эти строки остались в истории нашей культуры как геростратова слава:

Как сладостно Отчизну ненавидеть  
И жадно ждать её уничтоженья.

И в наше время найдутся несчастные, готовые поддаться под этими словами. Всем известен амнистированный (его обоснованно обвиняли в коррупции) политик Альфред Кох. Несколько лет назад он опубликовал монографию под победоносным названием «Распродажа советской империи». По случаю выхода книги было дано весьма откровен-

ное интервью американской русскоязычной радиостанции WMNB — оно было размножено многими СМИ мира. Что же пишет о своей родной стране российский политик, ныне возглавивший штаб Союза Правых Сил — одной из наших парламентских партий? Как там у Булгакова? «Азартен ты, Парамоша, это тебя и погубит»:

«— А как вы прогнозируете экономическое будущее России?»

— Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле — копать), которые только изобретать умеют. Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств.

— И как долго это будет длиться?»

— Я думаю, в течение 10–15 лет... Вы понимаете... В течение 70 лет, когда формировалось мировое хозяйство, Россия, вернее Советский Союз, находился как бы вонне, развивался отдельно, по каким-то своим законам. И мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза. И оно самодостаточно, там есть достаточные ресурсы, всё есть. И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна. В мировом хозяйстве нет для неё места, не нужны её алюминий, её нефть. Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому я думаю, что участь печальна, безусловно.

— Прогнозируете ли приход инвестиций в Россию, будет ли он в той мере, в какой его ожидают?»

— Нет, потому что Россия никому не нужна, не нужна Россия никому, как вы не поймёте!

— Но ведь Россия имеет гигантские экономические и людские ресурсы, и работать на российский рынок...

— Какие гигантские ресурсы имеет Россия? Этот миф я хочу развенчать наконец. Нефть? Существенно теплее и дешевле её добывать в Персидском заливе. Никель в Канаде добывают, алюминий — в Америке, уголь — в Австралии. Лес — в Бразилии. Я не понимаю, чего такого особого в России?»

— Но торговать с Россией, с огромной страной, где огромная потребность купить...







— Для того чтобы купить, нужно иметь деньги. Русские ничего заработать не могут, поэтому они купить ничего не могут.

— Словом, вы не видите никаких перспектив?

— Я — нет. Ну, Примаков если видит, пускай работает, я, как только перестал их видеть, уволился из правительства.

— Как, по-вашему, может повернуться экономическая политика российского правительства? Будет ли возврат к старым методам?

— Какое это имеет значение? Как ни верти, всё равно это обанкротившаяся страна.

— И вы полагаете, что никакие методы хозяйствования Россию не спасут?

— Я думаю, что бесполезно.

— Могут ли быть реформы в обычном понимании этого слова приемлемы для России?

— Если только Россия откажется от бесконечных разговоров об особой духовности русского народа и особой роли его, то тогда реформы могут появиться. Если они не будут замыкаться на национальном самолюбании, не будут искать какого-то особого подхода к себе и думать, что булки растут на деревьях. Они так собой любят... восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, что они уже не в состоянии ничего нового сделать» (Новая газета. 03.11.1998.).

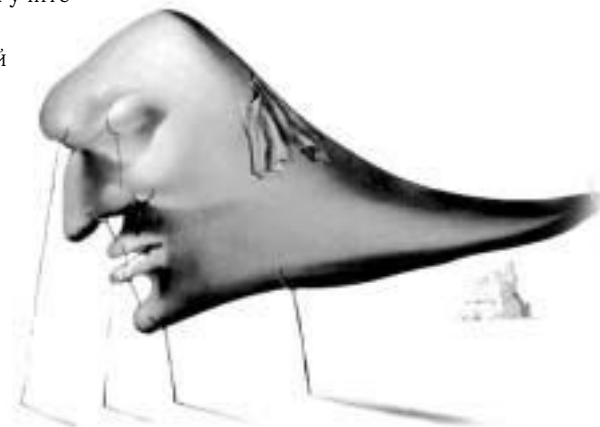
Эти слова можно воспринимать как объявление войны российской культуре. Войны на уничтожение. Далее Кох рассуждал о безрадостной доле бездарного русского народа, смачно употребляя бендеровское презрительное словечко «комуняка». Эти клейма — «комуняка», «совок», «жид», «хохол», «русиш швайн» — для каждого из нас, независимо от национальной принадлежности и политических воззрений, как плевков в душу. Про «русиш швайн» да про бендеровцев я вспомнил не случайно. Размышления Коха заставили вспомнить другие мысли — были времена, когда их тиражировали в миллионах экземпляров: «Выдав Россию в руки большевиков, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось её государствен-

ное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славы дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия была обязана германским элементам — превосходнейший пример той громадной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы»<sup>4</sup>. В этой книге было ещё немало слов о горемычной судьбе России — тёмной, никчемной страны, которая существовала только благодаря узкому слою энергичных управителей немецкого типа. Только автор этих слов покончил с собой, не дождавись русских танков в Берлине, а стены Рейхстага до сих пор исписаны автографами представителей низших рас — от русских до киргизов... Кох, а также его товарищи по партии должны воздерживаться от подобных заявлений хотя бы из соображений политкорректности.

Современному учителю нередко приходится сталкиваться как с проявлениями печеринского (и коховского!) антирусского нигилизма, так и с рецидивами агрессивного национализма. В наше деидеологизированное время основой этики стал не коллективизм, не подчинение личных интересов общественным, а конкуренция обособленных индивидуумов. На какие авторитеты опираться учителю, пресекая подростковую агрессию? Сейчас мы находимся в мрачном промежутке нашей истории, когда сама идея нравственных авторитетов кажется архаичной. Выходит, что в каждой школе следует проводить целенаправленную работу по внедрению в сознание школьников представлений о великих людях нашего Отечества, которые станут для учителей подспорьем в воспитательной работе. И здесь нас подстерегает ещё одна опасность: талантливый учитель не всегда способен обуздать полёт вольной творческой мысли.

4

Гитлер А.  
Моя борьба. М., 1992.  
С. 556.





Теория государства  
и права / Под общ.  
ред. А.Б. Венгерова.  
М., 1995. С. 98.

Всем нам не по сердцу тусклый сусловский и беликовский принцип «кабычегоневышло», когда речь идёт о собственном творчестве. Среди учителей непременно найдутся и сторонники радикальных идей, которых хватает в наследии таких ярких и противоречивых мыслителей, как Ф.М. Достоевский и Ф. Ницше, З. Фрейд и А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын и Л.Н. Толстой... Да, нужно перестраховываться, выбирая из классического наследия самые невинные сюжеты и безукоризненные максимы. Нужно начинать с манной каши — и ни в коем случае не осеять нимбом истины глубокие, но небесспорные мысли гениев человечества. Безыдейная свобода — это страшно, но не менее страшно и сектантское закрепощение мысли. Путь учителя, как всегда, пролегает между Сциллой и Харибдой.

Ещё один важнейший идеологический аспект, злободневный для отечественной школы, связан с учением о правах человека и гражданина. Если верить громким декларациям, звучащим с 1991 года, основой государственной идеологии в Российской Федерации является построение правового государства. Правовое государство воспринимается как некий маяк, манящий наших предводителей в верном направлении. Но, если маяк оказывается миражом, корабль терпит крушение. Один из самых содержательных учебников по теории государства, составленных в 1990-е годы, гласит: «Современное понимание прогресса государственности выдвигает на первый план *«человеческое измерение»*, т.е. то качество жизни, которое обеспечивает государство. Свобода личности, благоприятные материальные условия, возможность творческого самоутверждения, наличие прав — эти и другие составляющие *человеческого измерения* превращают его в основной критерий оценок прогресса государства»<sup>5</sup>. Разумеется, не допускается никакого подчинения системе — всё для личности с её желаниями и потребностями... Свобода! После Великой Французской революции, когда на щит был поднят лозунг: «Свобода, равенство и братство!», Екатерина Великая воскликнула: «Равенство — это чу-

довище, которое во что бы то ни стало хочет сделаться королём». Не стоит абсолютизировать ни правоту императрицы, ни правоту революционеров. Но так и хочется применить формулу Екатерины Великой к современному пониманию прав человека... Более чем спорный принцип торжества свободной личности за счёт отмирания общественных структур и в первую очередь — государства обладает значительным разрушительным потенциалом. Стоит ли искушать общество свободами? Во второй половине XX века над «полусветом» пролетела сексуальная революция. Её последствия показали, как легко, отказавшись от авторитаризма, пробудить в человеке животное начало. Я считаю и появление расистских теорий явлением того же порядка — явлением, направленным на разрушение цивилизации и культуры. Тоталитарное по форме реализации, по сути учение Гитлера и Розенберга провозглашало эру животной свободы для избранных. Сейчас мы стоим перед опасностью обретения такой свободы для всех... И, конечно, наибольшие шансы стать королём в этом обществе получит чудовище...

Среди различных (и подчас — противоположных) мнений о нынешней государственной идеологии сквозит обидное словцо «эклექтика». Смешение стилей, разноглаголица. В речах президента России В.В. Путина не раз звучала мысль о преемственности разных исторических эпох России. О том, что нам одинаково дороги и традиции императорской России, и советское наследие, и реалии последних десяти лет. Именно этот образ единства разных исторических эпох объединил представителей полярных социальных стратов в поддержке президента России. Не нужно бояться эклектики: в ней — наше спасение от унылого единообразия. Пусть рубиновые звёзды напоминают нам о победном параде 1945 года, о первых полётах советских космонавтов, а двуглавые орлы, взметнувшиеся над башнями Исторического музея, — это память о подвиге Москвы в 1812 году, знак имперской открытости и Востоку, и Западу. Государственные символы России — это тема для разговора со школьниками не только младших классов.



Об этом нужно говорить с теми, кому завтра учиться в университетах, создавать семьи, служить в армии и работать. Пускай снобы смеются над «сочетанием несочетаемого» в нашей символике: мы-то знаем, что это сочетание гармонично, ибо оно сложено самой Историей. Сложено из самых прекрасных надежд и свершений многих поколений россиян. Наш державный герб — двуглавый орёл — память о византийской святости, завещанной государству Российскому. Флаг России, бывший в давние времена торговым флагом нашей страны и возрождённый в 1991 году, — это своеобразный символ двух периодов «развития капитализма в России». И, наконец, гимн Отечества — тот самый, берущий за душу с первой ноты, неведомой силой поднимающий нас навтыжку. Как в прежние годы — музыка А.В. Александрова, стихи С.В. Михалкова... Гимн Победы, прозвучавший впервые под новый, 1944 год — год освобождения... Он напоминает нам о том, что славные завоевания социализма в нашей стране ещё живы, вселяет веру в то, что конституционные декларации России как «социального государства», в котором все ресурсы — природное богатство страны, — принадлежат народу и служат интересам общества, будут, наконец, реализованы. Конечно, эти тезисы не исчерпывают всей сложности разговора о государственных символах. Но вести разговор о святынях России следует именно так — не затушёвывающая злободневных ассоциаций.

Ещё десять лет назад многие из нас не могли бы поверить в возможность возрождения элементов советского образа жизни. Но время показало непреходящую ценность советского опыта. Вот «Еженедельный журнал» — олицетворение буржуазного стиля в журналистике — с удивлением повествует о моде на СССР, на советскую символику, на ностальгию по утраченной стране: «Ещё несколько лет назад было как-то почти неудобно признаваться в очевидном факте, что родиной любого половозрелого россиянина в самом деле является Советский Союз. И мухинских истуканов не тиражировали на каждом пятом заборе. Наоборот, велись бесконечные споры о том, что делать с морально

устаревшим памятником. И одним из предложений было стыдливо упаковать нержавеющей рабоче-крестьянский дуэт в профодежду цветов новейшего российского триколора. То есть одновременно модернизировать и замаскировать неудобную советскую культуру». Сейчас — не так. Многие советские «марки» (особенно — в массовой культуре) оказались более конкурентоспособными, чем даже самые глянцевые западные аналоги... Ностальгия по великой державе подпитывается ностальгией по профессионализму и таланту музыкантов, актёров, спортсменов. Советский режим называют «тоталитарным». Мы не будем пускаться в долгие рассуждения, разграничивая понятия «тоталитаризм» и «авторитаризм». Приведём только один красноречивый пример, близкий сердцу каждого, кто верит в просвещение. Тоталитарному режиму положено держать народ в темноте невежества, а советская власть последовательно проводила программу повышения образовательного уровня своих граждан — и добилась на этом поле неоспоримых успехов. Нынешняя власть (и прежде всего — власть олигархии) плодит беспризорников и бродяг. За последнее десятилетие уровень жизни в стране снизился, многие товары стали недоступными для большинства населения. Подорожали книги, медицинское обслуживание, коммунальные услуги. Больших расходов требует образование. Но некоторые вещи стали дешевле, доступнее. Относительно доходов подешевели такие товары, как водка, сигареты, наркотики. Доступнее стало нарезное оружие — пока нелегальное, но лоббисты добиваются свободы торговли оружием в нашей стране... Вывод прост: приобщиться к плодам цивилизации в современной России стало труднее, а приобщиться к дурману — легче. В начале XXI века в России снова появились молодые люди, не знающие русской грамоты, не получившие даже начального образования. Маргиналами легко





управлять — это известно нынешним «сильным мира сего». Советская власть пропагандировала культуру, превращая искусство В.А. Моцарта и П.И. Чайковского, Рафаэля и В.И. Сурикова, А.С. Пушкина и Х.-К. Андерсена в достояние миллионов. Разве Моцарт и Пушкин — оружие тоталитаризма? А «братаны», «менты» и «окна» — цветы современного массового искусства — выходят, свидетельствуют о социальном прогрессе? Анализируя стратегию советского правительства, нужно признать, что, развивая систему образования, советская власть сама формировала собственную оппозицию... Интеллигенция, способствовавшая развалу Советского Союза, — это те самые сомневающиеся, получившие полноценное образование, воспитанные отнюдь не на песне о «Зайке», не на фильмах про бандитский Петербург. Тоталитарная система никогда бы не породила такой интеллигенции! Человек, прошедший требовательную советскую школу, был способен на многое. А сейчас... Современный Гагарин работает охранником президента какого-нибудь ООО (три нуля). Добираясь до дома, он равнодушно перешагивает через безработного бомжа — и ночами мечтает о покорении звёздных высей... Что-то не сходится в этой картине. Не верю.

Есть в пространстве идеологии привольные поля, на которых пасутся священные коровы. Всегда в истории находились люди, «с детской резвостью колебавшие треножник». Мы уже говорили о Владимире Печерине. В 1970–1980-е годы большой известностью в кругах, враждебных советскому образу жизни, пользовался писатель В.Н. Войнович. Тема «развенчивания идолов» — основная в творчестве Войновича. По радио «Свобода» звучали, например, такие максимы Войновича: «Священные слова. Священные границы, могилы, имена, понятия, камни, знамёна... Молодожёны в подвенечных платьях после Дворца бракосочетания, где под портретом Ленина им сказали напутственные слова, едут на могилу Неизвестного солдата. Какая дикая смесь религиозного и атеистического и сколько в этом ханжества и даже кощунства! Эти молодожёны отдадут долг не солдату, а варварству и милитарист-

ской пропаганде!.. Или ещё один священный ритуал. В разных воинских частях Советского Союза на вечерней поверке выкликается какое-то имя и правофланговый заученно отвечает: «Рядовой или сержант такой-то погиб при выполнении боевого задания». Или даже: «Погиб при спасении знамени». И сами эти ритуалы поощряют гибнуть не только ради спасения родины, свободы или людей.

Но и ради вещей, которые при любом самом сентиментальном к ним отношении не заслуживают того, чтобы за них гибли. Взять хотя бы то же знамя. Конечно, это реликвия. И, может быть, даже очень ценная. Но когда речь идёт о выборе, пропасть ли знамени или одной человеческой жизни, надо всё же помнить, что оно всё-таки только кусок материи, надетый на палку. И жертвовать ради неё жизнью просто глупо». Вот такое кредо. Священны только твоя личная жизнь, твои желания, твоё пузо... Жизнь дегероизирована. И, наверное, совершенно напрасно на протяжении тысячелетий человечество вырабатывало идеи общественных ценностей, идею священного начала, придающего нашей жизни осмысленность. Нам предлагается живое эгоистическое существование. Пускай это останется на совести В.Н. Войновича, а наша школа должна проповедовать созидательные и благородные ценности. Попытки осмеять высокую жертвенность, присущую богоносной человеческой природе, рассеются, как мутный мираж в утреннем небе...

Современная цивилизация дала нам многое. Перефразируя афоризм Л.С. Соболева, она отняла у нас только одно — *право плохо работать*. Вооружённые до зубов мобильной связью, компьютерами, ксероксами и Интернетом, мы обязаны увеличить качество и производительность труда. Нужно брать на вооружение все новшества современной цивилизации, преображая технику незаменимым теплом человеческой души, светом напряжённой мысли. Больше требовательности к себе, больше рвения. А кавалерийские рейды в пространство идеологии мы обязательно продолжим. Здесь ещё есть, о чём поговорить.

**Москва**